

wurde» [2, с. 8]. «...weshalb **alle diese** *wundervoll beherrschte Körperlichkeit ihm im Grunde etwas wie Bewunderung abgewann*» [2, с. 20].

Словосочетания со стержневым словом – числительным. Числительному свойственны определительные валентные свойства, которые реализуются в сочетании с другими числительными, существительными и наречиями, напр.: «*Es wurde neun ein Viertel, es wurde beinahe **halb zehn Uhr***» [2, с. 88]. «*Die zweite von rechts war die Herzogin*» [2, с. 53].

Развитие синтаксической системы каждого языка, в том числе и немецкого, – это сложный, комплексный и противоречивый процесс, который непосредственно связан с историей языка. Изменение сочетаемости грамматических разрядов и форм слов, типов предложений, а также отдельных слов и их семантических рядов является первым очевидным признаком развития и изменения языка. Примером такого изменения может служить создание новых грамматических разрядов или форм слов и типов предложений, новых отдельных слов или семантических разрядов слов с новыми сочетательными закономерностями. Далее развитие синтаксической системы можно наблюдать в изменении семантической ёмкости синтаксических образований, таких как словосочетание и предложение, а также отдельных грамматических форм, которые предназначены для синтаксических функций. И, наконец, развитие языка и его синтаксической системы состоит в изменении форм структурной организации синтаксических единиц. Все эти изменения можно наблюдать и фиксировать в художественных произведениях, поскольку они являются отражением развития и становления языка.

Список использованной литературы

1. Филичева, Н. И. О словосочетаниях в современном немецком языке / Н. И. Филичева. – М.: Высшая школа, 1969. – 205 с.
2. Mann, Thomas. Tonio Kröger / Th. Mann. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1973. – 126 S.

УДК 811.1/8

О. Н. Чалова

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

РЕЧЕВОГО АКТА САМООПРАВДАНИЯ В НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

В статье поднимается вопрос о расширении коммуникативно-прагматических границ научной коммуникации, о проникновении в сферу научного общения речевых феноменов, не типичных для данной сферы. Одним из таких феноменов признается речевой акт самооправдания, характеризующийся в работе с точки зрения самых разных параметров, в том числе и с позиций изменений, происходящих в его семантико-прагматической структуре под действием специфики чуждой для него дискурсивной системы (научной), которые (изменения) и позволяют ему приспособиться к условиям новой коммуникативной среды (научной).

Ключевые слова: дискурс, научный дискурс, научный диалог, речевой акт, самооправдание.

Как известно, любая дискурсивная система (в том числе и научный дискурс) задает конкретный режим производства высказываний, допускает использование одних речевых актов и устраняет функционирование других [1; 2 и др.]. В то же время практически в любом типе дискурса можно встретить речевые действия, которые не являются органичными и естественными для данной коммуникативной сферы. Их присутствие детерминировано не спецификой этой сферы, а сиюминутными особенностями коммуникативной ситуации и прагматического контекста.

В такой жанровой разновидности научного дискурса, как устная научная дискуссия (научный диалог), одним из чужеродных высказываний, не входящих естественным образом в построение данного жанра, стоит признать речевой акт **самооправдания**, под которым традиционно понимается либо признание себя невиновным, сопровождаемое приведением доводов в пользу своей невиновности, либо признание своей вины в сочетании с мотивировкой причин своего проступка (см., например, [3]).

Понятно, что оправдательные высказывания представляют собой неотъемлемую часть юридического дискурса, а также вполне уместны в политическом, обыденно-разговорном и некоторых других типах коммуникации, что обусловлено прагматической сущностью указанных дискурсивных систем, широкой

представленностью в них обвинительных сообщений, типичной нормативной реакцией на которые является самооправдание.

Что же касается научной дискуссии, то использование в ней оправдательных высказываний казалось бы должно противоречить базовым принципам научной речи (объективность, бесстрастность, безличность и проч.), которые выступают в качестве механизма, позволяющего контролировать использование подобных сообщений. Однако в реальной практике научного диалога речевые акты самооправдания не выглядят аномально, что связано с влиянием на них коммуникативной специфики научной дискуссии, меняющей семантико-прагматические свойства самооправданий и превращающей их из признания или непризнания своей вины (субъективное чувство) в признание или непризнание своей ошибки (объективного действия), но при этом сохраняющей их основной функционал (самозащита, прояснение ситуации, извинение и под.). Такие изменения в семантике самооправданий под действием дискурсивных категорий рассматриваемой сферы общения вызывают неподдельный исследовательский интерес к данному феномену.

В связи с этим остановимся подробнее на оправдательных высказываниях в научной дискуссии, рассмотрим их основные разновидности с целью расширения представлений о размывании коммуникативно-прагматических границ научного дискурса, уточнения прагматической сущности и функциональных возможностях самооправданий в научном диалоге, а также выявления факторов, влияющих на их появление в изучаемой коммуникативной сфере.

По нашим данным, научный диалог весьма охотно допускает включение оправдательных речевых актов в свой состав, о чем свидетельствует их некоторая вариативность. Как минимум в научной дискуссии можно выделить два вида самооправдания – **иллокутивно вынужденное** и **иллокутивно независимое**, причем востребованность каждого из них в научном диалоге примерно одинакова.

Под **иллокутивно независимым самооправданием** подразумевается самооправдание, не обусловленное прагматической направленностью предшествующей реплики собеседника и предполагающее 1) признание возможной ошибочности собственного мнения либо отказ / уход от ответа в сочетании с 2) объяснением причин этой предполагаемой ошибочности или отказа. По сути, речь идет об оправдании своей собственной

несостоятельности (полной или частичной) как аргументатора на определенном этапе речевого взаимодействия, ср.:

Я не специалист в этой структуре, но я понимаю это так: все одинаковые или близкие, кроме крепкого хозяина, все остальные одинаковы. Столыпин кому-то дал возможность вырваться вперед, кому-то – недотянуть, т. е. началась разноуровневость.

Я не экономист, но, насколько я понимаю, в той же вышке есть достаточно много квалифицированных людей, причем в разных сферах.

Я не готовился специально, поэтому то, что я скажу, будет экспромт.

Это очень сложная проблема. Я не считаю себя достаточно компетентным, чтобы прописывать конкретные рецепты.

Я не берусь судить, насколько власть и государство разошлись во времена опричнины – в конце концов, я не специалист по этой теме, а историков, которые бы четко ответили на этот вопрос, я не знаю.

Как видно из примеров, иллокутивно независимое самооправдание почти всегда принимает форму имплицитной ссылки на незнание, в которой констатация собственной некомпетентности в том или ином вопросе, во-первых, легко считывается, а во-вторых, одновременно с этим представляет собой мотивировку причин этой некомпетентности (принадлежность к другой профессиональной среде, нехватка возможности подготовиться к ответу / выступлению и прочие неблагоприятные обстоятельства). Помимо этого, иллокутивно независимое самооправдание призвано выполнять и другие функции, связанные с перераспределением речевой инициативы в диалоге. Если в первых трех примерах коммуникант при помощи самооправдания (*Я не специалист..., я не экономист* и т. д.) не просто стремится избежать критики оппонента, но и при этом сохранить речевую активность, то в последних двух репликах самооправдание фактически служит средством отказа от инициативы, приемом размыкания коммуникативного контакта и уход от ответа. В любом случае иллокутивно независимое самооправдание почти всегда **проспективно** по отношению к основному высказыванию: говорящий заранее предупреждает адресата об уязвимых сторонах своего ответа или выступления в целом, способствуя, таким образом, реализации защитной роли самооправдания (уклонение от критики) и обеспечивая относительную успешность своего основного высказывания (*А в последние дни я сильно разболелся. Поэтому*

подготовка была несколько скомкана и я успел подготовить только часть презентации).

В отношении иллокутивно независимого самооправдания важно отметить следующее:

1) только имплицитные (а не эксплицитные) ссылки на незнание стоит интерпретировать в качестве самооправдательного действия: так, прямому указанию на отсутствие сведений без последующей мотивировки своей несостоятельности как аргументатора ***У меня нет никаких ассоциаций по этому поводу*** или ***Мне это неизвестно*** (не сопровождаемому мотивировкой своего незнания или даже слабой попыткой ответа) едва ли можно присвоить статус самооправдания, поскольку он в большей степени обладает самодискредитирующим потенциалом, чем защитно-предупредительным, в то время как имплицитные апелляции к незнанию характеризуются одновременно и самодискредитирующими, и превентивными свойствами; кроме того, эксплицитные ссылки на незнание оказываются крайне не толерантными по отношению к собеседнику, так как оставляют последнего в полном неведении как касательно запрашиваемых им сведений, так и касательно причин, лежащих в основе незнания;

2) далеко не каждое защитно-предупредительное (по отношению к собственному выступлению) действие следует трактовать в качестве самооправдания: ***Я не берусь, конечно, давать сейчас какие-то исчерпывающие определения, но контекстуально предложил бы «двойное» употребление понятия – условно, с большой буквы и с маленькой*** (несмотря на то, что вводная часть ***Я не берусь, конечно, давать сейчас какие-то исчерпывающие определения*** практически исключает возможность негативной реакции со стороны адресата, тем не менее отсутствие экспликации мотивов, лежащих в основе невозможности сформулировать «исчерпывающие определения», исключают подобные действия из числа случаев самооправдания);

3) помимо ссылок на незнание иллокутивно независимое самооправдание способно принимать, пусть и реже, и другие формы, например указания на сложность вопроса, допускающего и поясняющего возможную несостоятельность ответа: ***Это сложный вопрос, думаю, что ничего не решится, пока не будут сделаны какие-либо шаги к объединению этих стран.***

В отличие от иллокутивно независимого самооправдания, иллокутивно вынужденное сообщение в большей степени ориентировано на восстановление авторитета своего отправителя,

который (авторитет) в той или иной мере мог пострадать в результате компрометирующих высказываний речевого партнера. Говоря иначе, **иллокутивно вынужденное самооправдание** обусловлено прагматикой реплики оппонента и чаще всего представляет собой либо отказ от ответственности, навязываемой оппонентом, от причастности к обсуждаемому факту / событию, либо протест против неверного толкования его слов в сочетании с уточнением своей научной позиции ((1): *Игорь Григорьевич, когда Вас слушаешь, складывается впечатление, что современная российская культура какая-то уж очень монолитная. Мне же представляется, что это гремучая смесь традиционализма, архаизма, модернизма, постмодернизма и Бог знает чего еще. Как Вы считаете?* – (2): **Я не говорю, что русская культура абсолютно монолитна. Предложенная Вами характеристика – «смесь» – вполне адекватна; тогда, что называется, возможны варианты**).

В научной дискуссии самооправдание может реализовываться следующими способами:

– **уточнение коммуникативной цели своего высказывания:**

Я не утверждаю, что это неправильно, – просто называю.

Я не утверждаю, что у нас вообще нет пути, нет перспективы. Я задаюсь вопросом: появляется ли сейчас новый тип русского европейца?

– **уточнение вектора (позитивного или негативного) своего отношения к фактам, лицам, событиям:**

Я не говорю, что Сталин и Ленин были правы, выбирая террор, а предлагаю анализировать причины такого выбора.

Юрий Сергеевич, почему Вы решили, что я пренебрежительно отношусь к внесистемной оппозиции? Все мы, по сути дела, «оттуда» – хотим того или нет.

– **уточнение своего профессионального или другого статуса:**

Тамаш вроде бы назвал меня (или кого-то еще) либеральным автором. Но в научном споре я не либерал, не марксист и тем более не какой-нибудь постмодернист, а просто исследователь, плохой или хороший – это другое дело.

Я вовсе не пессимист. Вы говорите, коллапс – не выход для культуры. Возможно. Но коллапс не значит смерть. Когда разваливалась Римская империя, никто не бегал с ужасом по улицам с криками: «Катастрофа!»

– **уточнение общей интерпретации фактов или событий:**

В Ваших словах я чувствую фатализм. Вы сказали: историю не переиграть. Это так. **Я и не предлагаю ее переигрывать, историю надо просто изучать.**

Я хотел бы реагировать на выступление г-на Орлова. **Я ничего не сказал о гениальности Ленина, не говорил, что Горбачев что-то понял в теории социализма, – он ни в чем не разбирался. Я не предлагал следовать сегодня ленинской политической стратегии. Напротив, подчеркнул: Ленин родился один раз, в определенной исторической ситуации, а сегодня нужно что-то другое. И я постарался показать некоторые элементы его наследия, которые могут быть актуальны.**

Как видно из примеров, основными характеристиками и компонентами иллюкативно вынужденного самооправдания являются следующие: а) ретроспективность (как противоположность превентивности); б) реактивность (прагматическая обусловленность предшествующей репликой); в) возможное отсутствие аргументативной части; г) замена тезиса обвинения другим тезисом (уточнением своей позиции); д) относительное видовое разнообразие.

Развивая мысль об относительном видовом разнообразии, стоит отметить, что в научной дискуссии можно выделить еще одну разновидность иллюкативно вынужденного самооправдания, однако оно отличается более редкой встречаемостью. Такое самооправдание отличается от предыдущего противоположным отношением оправдывающегося к содержанию обвинения (критики), то есть представляет собой не отрицательную, а положительную реакцию на обвинение, то есть, по сути, согласие с тезисом обвинения, признание возлагаемой на него ответственности, но в комбинации с оценкой своих действий как допустимых: **Конечно же, я не специально опустил эту тему. Понятно, что, исключая мировой контекст, любой исследователь получает искаженную картину. Но в рамках доклада те или иные ограничения необходимы – просто из-за нехватки времени.** Соглашаясь с замечанием оппонента, аргументатор приводит доводы в пользу приемлемости своих действий (в данном случае – ссылается на объективную необходимость игнорирования темы в силу нехватки времени), тем самым минимизируя степень ответственности за свой «проступок» (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнение характеристик иллюкативно независимого и иллюкативно вынужденного самооправдания в научной дискуссии

Характеристики, виды и компоненты самооправдания	Вид самооправдания	
	Иллокутивно независимое самооправдание	Иллокутивно вынужденное самооправдание
Характер реализации	проспективный	ретроспективный
Факторы, обуславливающие появление	обусловленность собственной репликой	обусловленность репликой оппонента
Функции	Защитно-превентивная (уклонение от критики)	Защитно-реактивная (несогласие с критикой)
Компоненты	Обязательное наличие аргументативной части	Возможное отсутствие аргументативной части
Разновидности	Слабое видовое разнообразие	Умеренное видовое разнообразие

Таким образом, диапазон функциональных разновидностей и, соответственно, возможностей самооправдания в научной дискуссии можно квалифицировать как довольно широкий – варьирующийся от ссылок на неблагоприятные объективные и субъективные обстоятельства до отказов нести навязываемую оппонентом ответственность за ошибку, а также от самооправданий, предотвращающих критику, до несогласий с критикой. Такая ориентированность научной дискуссии на создание условий для видовой диверсификации изучаемого речевого акта фактически позволяет исключить самооправдание из числа аномальных для научного диалога высказываний и присвоить ему статус закономерного явления для диалогической научной коммуникации, обусловленный (статус) способностью научной сферы корректировать ролевые свойства речевых феноменов, вытеснять одни функции речевого акта и заменять другими, типичными для научного дискурса.

Список использованной литературы

1. Задворная, Е. Г. Дискурс как фильтрующая система и принципы речевого общения / Е. Г. Задворная // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно–политических текстов. Вып. 5 / Сост. и общ. ред. И. Ф. Ухановой-Шмыговой. – Минск : БГУ, 2000. – С. 29–38.

2. Фуко, М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.

3. Лаврентьева, Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Лаврентьева. – Новосибирск, 2006. – 261 л.

УДК 821.111-31*Х.Данмор:179.6

О. Е. Швайликова

ТРАВМИРОВАННАЯ МАСКУЛИННОСТЬ В РОМАНЕ Х. ДАНМОР «И ТОГДА Я СОЛГАЛ»

В данной статье осмысливается понятие маскулинности и его трансформация в рамках исторического и культурного контекста первой половины XX в. на примере персональной истории главного героя романа. Выявляется тесная связь и взаимодействие понятий маскулинность, феминность и гендерная картина мира. Психологическая травма определяется как один из факторов, конструирующих концепт «травмированная маскулинность».

Ключевые слова: *гендер, гендерная картина мира, маскулинность, феминность, война, травма.*

В современных исследованиях художественных произведений довольно часто на первый план выводится гендерная характеристика художественного образа как важная составляющая, оказывающая влияние на восприятие всего произведения и отдельного персонажа. Понятие «гендер» (gender) ввел в научный дискурс психолог Роберт Столлер в 1960-х гг. с целью провести грань между полом биологическим (sexus) и социальным (gender). В соответствии с определением, данным Американской психологической ассоциацией: «Пол дан от рождения, он относится к биологическому статусу мужчины или женщины и связан в первую очередь с физическими признаками: хромосомами, доминирующими гормонами, анатомией внешних и внутренних органов. Гендер относится к социальным ролям, занятиям, признакам и поведению, которое данное общество считает подобающим для мальчиков и мужчин или девочек и